

Выводы.

Ошибки встречаются во всех падежных формах, кроме форм дательного падежа, что типично: в дательном падеже морфологические окказионализмы не встречаются. Наибольшее количество окказионализмов – в винительном (44) и родительном (43) падежах; на втором месте по количеству инноваций – формы именительного падежа ед. и мн. числа (22); затем – формы предложного падежа (14): здесь почти все ошибки – в форме ед. ч., кроме так называемого межпадежного смещения окончаний. Меньше всего ошибок в формах творительного падежа (почти исключительно в формах ед. ч.).

Всего, в разных падежных формах, зафиксировано 18 типов окказионализмов. Однако частотными (в той или иной степени) являются только некоторые из них: замена флексий (34); ошибки в количественно-именных сочетаниях (15); сохранение неподвижного ударения и устранение среднего рода (13); устранение беглых гласных (10); перераспределение существительных между мужским и женским родом (10); образование формы мн.ч. суш. St. (8); употребление неодушевленных существительных в качестве одушевленных (8). Все указанные ошибки предсказуемы, типичны и закономерны.

Есть ошибки, отмеченные только в определенных падежных формах: устранение среднего рода – только в винительном падеже; ошибки в количественно-именных сочетаниях – в родительном; употребление неодушевленных существительных в качестве одушевленных – в винительном. Наличие указанных ошибок легко объясняется особенностями парадигмы имен существительных: именно в этих формах реализуются определенные грамматические различия.

Имеются ошибки, зафиксированные во всех падежных формах: замена флексий (хотя львиная доля приходится на формы род. п. мн. ч. – экспансия флексий -ОВ/-ЕВ); сохранение неподвижного ударения; устранение беглых гласных. Указанные явления эксплицируются при словоизменении, независимо от формы падежа и числа.

Редкие типы ошибок: устранение замены суффиксов, супплетивизма, наращения основы, чередования конечных согласных основы, образование формы ед. ч. суш. Plt; устранение 3-го склонения, склонение несклоняемых существительных, создание беглого гласного (гиперкоррекция); замена согласного основы (звонкого глухим) в сильной позиции. Можно предположить, что редкость указанных

ошибок имеет различные причины: некоторые из них станут более частотны в дальнейшем (например, чередование конечных согласных основы); некоторые редки, поскольку сами языковые явления нечастотны (супплетивизм или наращение основы), некоторые явления нельзя считать нехарактерными для русского языка, но количество слов такого типа, употребляемых маленьким ребенком, ограничено (несклоняемые существительные); гиперкорректные ошибки вообще редки и атипичны.

Таким образом, уже в раннем возрасте есть практически все типы инноваций в области существительного, описанные в указанной выше монографии С. Н. Цейтлин, – это ошибки, которые еще долго будут актуальны. Отсутствуют инновации у одушевленных существительных, личных и неличных, связанные с обозначением пола: они появятся позже – в связи с дальнейшим когнитивным развитием ребенка.

Имеющийся в нашем распоряжении материал подтверждает то неоднократно отмечаемое разными исследователями обстоятельство, что ребенок осваивает язык творчески, поскольку в его инновациях проявляется ярко выраженная системность: однотипные в лингвистическом отношении лексемы сходным образом модифицируются, становясь элементами его индивидуальной языковой системы.

Литература

1. Елисеева, М. Б. Развитие и взаимовлияние различных компонентов языковой способности ребенка раннего возраста (на материале лонгитюдного исследования / М. Б. Елисеева // Путь в язык. Одноязычие и двуязычие. – М., 2011.
2. Елисеева, М. Б. Формообразовательные глагольные инновации от 2 до 3: лонгитюдное исследование / М. Б. Елисеева // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2013. – №4 (51). – Т. 1. – С. 72–75.
3. Гвоздев, А. Н. Вопросы изучения детской речи / А. Н. Гвоздев. – СПб., 2007.
4. Сёлли, Д. Очерки по психологии детства / Д. Сёлли. – М., 1901.
5. Сизова, О. Б. Порождение именных форм в речи детей дошкольного возраста: взаимодействие синтагматического и парадигматического аспекта: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. Б. Сизова. — СПб., 2009.
6. Цейтлин, С. Н. Язык и ребенок. Лингвистика детской речи: Учеб. пос. для студ. высш. учеб. завед. / С. Н. Цейтлин. – М., 2000.
7. Цейтлин, С. Н. Лингвистические этюды / С. Н. Цейтлин. – СПб., 2013.

УДК 81'22

Д. С. Кориунов

Череповецкое высшее военное инженерное училище радиоэлектроники

СИСТЕМА ЯЗЫКА И ПАРАДИГМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ СООТВЕТСТВИЯ

В статье критически рассматриваются традиционные для системно-структурной парадигмы языкознания представления о системе языка с присущими им недостатками: неразграничением односторонних и двусторонних единиц языка, неразличением уровней, выделенных на различных основаниях и т. д. В рамках антропоцентрической парадигмы предлагается мо-

дель языковой системы, представляющая собой три параллельные взаимодействующие иерархии фонологических, семантических и орфографических элементов.

Система языка, единицы языка, уровни языка, системно-структурная парадигма, антропоцентрическая парадигма, семантика, фонология, орфография.

The article contains a critical consideration of traditional for a structural linguistic paradigm views on the language system with their inherent limitations, such as non-differentiation of unilateral and bilateral units of language, non-discrimination of levels deduced on different grounds, etc. Within the anthropocentric paradigm the author proposes a model of the language system, representing three simultaneously interacting hierarchies of phonological, semantic and orthographic elements.

Language system, language units, language levels, structural linguistic paradigm, anthropocentric paradigm, semantics, phonology, orthography.

Введение.

Наука не стоит на месте. Концепции и школы развиваются, борются, сменяют друг друга, формируя в исторический период, тем не менее, некое единое направление, которое Томас Кун около полувека назад назвал научной парадигмой. Парадигмы тоже меняются, хотя и не так часто. Смена парадигмы должна приводить к критическому переосмыслению постулатов предыдущего периода.

В современном языкознании принято выделять три основные научные парадигмы: сравнительно-историческую, системно-структурную и антропоцентрическую [5, с. 155]. Последняя является ведущей в настоящее время. Иногда встречаются другие ее названия – коммуникативная, функциональная, прагматическая, но суть не меняется: утверждается «фактор человека как субъекта деятельности в самом широком смысле» [9, с. 4], изучение «языка как достояния человека» (А. А. Залевская).

Одним из фундаментальных понятий языкознания – понятием «системы языка» – мы обязаны системно-структурной парадигме. Эмпиризм и атомизм предыдущих периодов сменился пониманием системности отношений между языковыми явлениями. Однако наработанные за годы структурализма описания системы языка сводятся преимущественно к описанию ее отдельных составных частей, принципы же существования и функционирования всей системы остаются неясны. По крайней мере, попытки их объяснения представляются довольно спорными, что будет рассмотрено далее.

Современная антропоцентрическая парадигма, все еще формирующаяся, неизбежно требует своих обоснований всего лингвистического знания, как минимум, своего ракурса рассмотрения объекта языкознания. Проблема заключается в том, что наиболее базовые понятия предыдущей парадигмы – и система языка в их числе – кажутся настолько аксиоматичными, что для большинства лингвистов лежат вне зоны потенциального критического анализа.

Цель настоящей работы заключается в том, чтобы обратить внимание на недостатки существующих представлений о системе языка и предложить к обсуждению новые пути ее описания – говоря более образно, распространить парадигмальный сдвиг и на фундамент языкознания.

Заявленная цель определяет дальнейшую структуру основной части статьи.

Основная часть.

Недостатки существующих представлений о системе языка. Недостатки кроются, естественно, не в самой оценке языка как системы, а в описании принципов строения этой системы, ее структуры и единиц.

В энциклопедическом словаре статья «Система языковая» занимает довольно большой объем [10, с. 452–454]. Авторы статьи, Т. В. Булыгина и С. А. Крылов, дают широкий обзор взглядов на языковую систему, отмечают значимость принципа функциональной релевантности компонента в системе, а также констатируют, что с представлениями о языковой системе связаны такие разнообразные понятия, как уровни и единицы языка, синтагматические и парадигматические отношения, форма и функция, структура и субстанция, синхрония и диахрония, анализ и синтез и т. д. К сожалению, перечисление связанных понятий не вполне проясняет структуру языковой системы. Из описания можно получить общее представление, что система состоит из единиц, образующих уровни и связанных различными отношениями.

Статьи «Уровни языка» [10, с. 539] и «Единицы языка» [10, с. 149–150] написаны В. М. Солнцевым. Широко известна его монография «Язык как системно-структурное образование» [7] – самое серьезное известное исследование на эту тему, которое является достойным образцом применения системно-структурной парадигмы в языкознании.

В. М. Солнцев, как известно, в русле представлений отчасти биологической, отчасти «машинной» метафоры выделяет три уровня системы языка – фонемы, морфемы, слова – и два уровня речевой системы – слова и предложения, разделяя две системы по признаку воспроизводимости их единиц в готовом виде. Уровень слов считается переходным, потому что некоторые из них могут образовываться «на ходу» [8, с. 17–18]. Единицы разных уровней находятся в иерархических отношениях «состоит из» или «входит в». При этом фонема является «односторонней» единицей языка, а остальные – «двусторонними». Эта нестыковка сразу оговаривается: фонема входит в сонему, звуковую оболочку морфемы, а не в саму морфему, обладающую еще и значением. Но дополнительные термины, похоже, не прижились, потому что статей про сонемы, номемы (звуковые оболочки слов) в энциклопедическом словаре нет, а иерархия осталась: морфемы фактически состоят из фонем.

В. А. Звегинцев также предлагал многоуровневую структуру языка:

I этаж	1. Предложение.
II этаж	2. Словосочетание (синтагма).
	3. Слово.
	4. Морфема.
III этаж	5. Слог.
	6. Фонема.
	7. Дифференциальный признак.

При этом «у лингвистических уровней наличествует последовательная их соподчиненность в том смысле, что единицы всякого нижележащего уровня определяются и детерминируются функциями вышележащего уровня... Но вместе с тем между лингвистическими уровнями наличествует зависимость и обратной направленности...» [3, с. 47]. Однако сложно представить, в чем именно проявляется зависимость, к примеру, слога от функции морфемы, если границы слогового и морфемного деления нередко не совпадают.

Оценивая подобное (уровневое) членения языка, Л. М. Васильев выделяет следующие недостатки:

1) понимание системы уровней только как ступенчатой иерархии: единицы более низкого уровня образуют единицы более высокого уровня;

2) неразграничение односторонних и двусторонних единиц языка;

3) объединение моделей «горизонтального» (от морфемы к высказыванию) и «вертикального» (от фонемы к семеме) типов; 4

4) неразличение уровней, выделенных на различных основаниях;

5) совмещение в единой системе уровней конкретных и абстрактных единиц языка (например, звуков, фонем и морфем, морфов и морфем, словоформ и лексем и т. д.) [2, с. 25].

Вместе с тем, он тут же сам предлагает очередной вариант уровневой структуры, включающий некоторые из только что перечисленных недостатков: «Суть предлагаемой нами языковой стратификации состоит в следующем. Любой язык как система состоит из трех ярусов: фонетического, лексико-грамматического (формального) и семантического, находящихся в отношениях дополнительности друг к другу» [2, с. 26–27]. При этом единица нижнего, фонетического яруса – фонетическая фраза (например, *Постой! Позвони мне сегодня вечером*) фактически накладывается на несколько единиц двух вышележащих ярусов. Вероятно, неудачной, вводящей в заблуждение является метафора яруса или этажа, применяемая к различным аспектам языковой системы – не может нижний этаж дома проникать в верхние, а «низкий» фонетический аспект на самом деле объективно присутствует в любых «высоких» уровнях, допустим, словосочетаний и предложений.

Т. В. Булыгина предлагала иной подход, основанный на традиционном для языкознания разделении языка как знаковой системы на материальное и идеальное, на звук и значение, на план выражения и план содержания [1]. Это разделение проходит через все уровни языка и, можно сказать, «перпендикулярно» уровневой структуре. «Наложение» двух подходов позволяет несколько конкретизировать систему

языка, создать своего рода систему координат для его элементов.

Сама идея состояла в распространении методов фонологии (в частности, фонологических оппозиций) на остальные языковые явления. Вопреки распространенному тогда мнению, что к анализу двусторонних единиц языка (знаков) фонологические методы анализа односторонних единиц (не-знаков) неприменимы, Т. В. Булыгина делает важное наблюдение, оставленное другими без внимания: «В действительности и в том и в другом случае – не только в грамматике, но и в фонологии – необходимым условием установления системы оппозиций является обращение к обеим сторонам знака, хотя собственно оппозитивными элементами – не только в фонологии, но и в грамматике – являются односторонние элементы, – не минимальные знаки, но минимальные единицы означающего либо означаемого» [1, с. 77].

Иерархия единиц плана выражения представлена Т. В. Булыгиной вполне традиционно: дифференциальный признак фонемы – фонема – слог – фонологическое слово. Аналогичная иерархия единиц плана содержания строится следующим образом: элементарные грамматические значения («совершенство», «рефлексивность», «финитность», «множественное число» и т. п.) являются семантическими дифференциальными признаками, определенное сочетание таких признаков по аналогии с фонемой образует грамму, а совокупность элементарных лексических значений образует лексему (т. е. корневую морфему). Такие граммы и лексемы составляют класс семем, которые по месту в иерархии уподобляются гласным и согласным фонемам. Подкрепляя проведенную параллель, Т. В. Булыгина пишет: «Можно указать на наличие в языке большого количества лексем и согласных и малого количества граммем и гласных – при их примерно одинаковом распределении в тексте; на аналогичное соотношение частотности лексем и граммем и частотности согласных и гласных; на большую информативность лексем и согласных по сравнению с информативностью граммем и гласных» [1, с. 84]. Далее, аналогично сочетанию согласных и гласных, образующих минимальную произносительную единицу – слог, комбинация лексем и граммем создает минимальную единицу наименования, «примерно совпадающую с означаемым словом» – ономатем. Сочетание онома тем, скрепленное предикативностью, составляет предложение так же, как сочетание слогов, скрепленное ударением, – фонологическое слово.

«Таким образом, – пишет Т. В. Булыгина, – можно констатировать, что отношения между единицами в плане выражения аналогичны отношениям между единицами в плане содержания. В обоих планах имеют лингвистический статус следующие единицы различной степени сложности: элементарные единицы, каждая из которых предполагает наличие в системе другой, прямо противопоставленной ей единицы (фонологические и семантические дифференциальные признаки); симультанные совокупности этих единиц, являющиеся минимальной единицей парадигматики (фонемы – гласные и согласные – и семемы – граммы и лексемы); минимальные автоном-

ные синтагмы, обычно большие, но иногда совпадающие с одним из типов единиц предыдущего уровня (слоги и ономаемы); двусторонние единицы, в рамках которых производится коммутация, эвентуально совпадающие с одним из типов единиц предыдущего уровня (фонологическое слово и предложение)» [1, с. 86].

К сожалению, цельной концепции системы языка из этой интересной идеи не получилось. Сама Т. В. Булыгина приведенную классификацию системой прямо не называет, и в упомянутой ранее энциклопедической статье «Система языковая» [10, с. 452–454] от описанного выше осталось только упоминание о большом значении «для понимания системности различных языковых сфер» перенесения метода компонентного анализа из фонологии в семантику.

Новые пути описания системы языка. Безусловно, идея уровневой структуры языка не исчерпала свой потенциал, она лишь требует некоторого уточнения. Подход Т. В. Булыгиной с параллельными иерархиями элементов плана выражения и плана содержания представляется правильным и перспективным. Необходимо лишь заменить ведущий принцип структурного параллелизма функциональной взаимосвязью рассматриваемых элементов и вспомнить – в рамках антропоцентрической парадигмы – о некоторых психолингвистических факторах.

Среди последних – влияние во многих языках традиционных написаний на различение и восприятие слов даже на слух. Орфография является дополнительной опорой при идентификации слова носителем (например, массы омофонов китайского языка различаются, помимо значения, именно написанием). Таким образом, для большинства языков план выражения следовало бы дополнить еще одной параллельной иерархией графических (орфографических) элементов.

В такой системе языка – из трех параллельных вертикальных иерархий семантики, фонологии и орфографии (говоря в терминах современной зарубежной психолингвистики) – нет ничего принципиально нового. Разделение на план выражения и план содержания известно давно. Выделение в плане выражения звукового и графического аспекта тоже не ново. Новым оказывается то, как привычные (и привычно неопределенные!) языковые объекты распределяются по этим иерархиям.

Всем «односторонним» единицам нашлось свое место: фонемы складываются из дифференциальных признаков, входят в слоги, а те – в фонетические слова и фразы. Параллельно из черт складываются буквы (или иероглифы), которые входят в буквосочетания, а те – в орфографические слова и, далее, в графически оформленные предложения и абзацы. Частотные буквосочетания при этом обладают собственной психолингвистической ценностью [4], они связаны со слогами и морфемами, но не тождественны им.

Морфема в таком случае остается чистым (односторонним) элементом плана содержания, семантической иерархии, она складывается из своих дифференциальных признаков (сем) и входит в состав лексем, также чисто семантических категорий. Можно,

следуя Т. В. Булыгиной, называть семантический элемент морфемного уровня семемой, но вряд ли в этом есть необходимость. Если мы признаем морфологический принцип русской орфографии, выделяя в местоимениях *мой, моя, мое* одну корневую морфему, то мы должны признать, что только значение ‘принадлежащий мне’ является основанием для идентификации этой общей морфемы, тогда как орфография и фонология [*мой / май-а*] не вполне тождественны. То есть морфеме следует считать сугубо семантическим элементом и отличать от одноуровневых ей слогов и буквосочетаний.

При таком подходе больше самостоятельных прав получают слоги как основные произносительные элементы, и параллельность орфографической и фонологической иерархий вполне допускает взгляды Е. Д. Поливанова, находившего в слове *жизнь* два слога, а в слове *министр* – три [6, с. 110].

Поскольку язык в антропоцентрической парадигме рассматривается не как склад, а как часть человеческой деятельности, т. е. процесс, появляется понимание того, что «двусторонние» единицы языка носят процессуальный характер. То, что мы чувствуем как центральную единицу языка – слово, хотя лингвисты столетиями не могут дать слову терминологического определения (потому что ощущение автономности слова – явление психологическое, а не лингвистическое), сейчас появляется возможность описать как акт замыкания цепи из элементов трех названных иерархий где-то на уровне лексемы в плане содержания и на уровне орфографического и/или фонетического слова – в плане выражения. Эти уровни в каждом конкретном случае могут быть выше или ниже, но при совпадении достаточных условий цепь замыкается, и возникает психологическое ощущение состоявшегося слова.

Выводы.

Плоская уровневая система языка, принятая в качестве основной в годы структурализма, не в полной мере соответствовала научным представлениям даже того периода. Ее недостатки осознавались многими учеными, которые предпринимали попытки ее корректировки, однако в рамках системно-структурной парадигмы качественных изменений добиться не удавалось. Тем не менее, в лингвистических учебниках альтернативы уровневой системе языка по-прежнему нет.

Антропоцентрическая парадигма требует учета психолингвистических факторов и отношения к языку как деятельности. Такой подход позволяет предложить объемную модель системы языка в виде трех взаимосвязанных иерархий фонологических, семантических и орфографических элементов, взаимодействие которых в процессе функционирования системы создает единицы языка, обладающие и планом содержания, и планом выражения.

Предложенная модель системы языка сочетает классические и современные, отечественные и зарубежные взгляды на язык и его функционирование. Она дает методологические ориентиры для дальнейших лингвистических исследований в рамках антропоцентрической парадигмы. Нельзя строить новое

здание современной науки, не проверив и не укрепив его фундамент.

Литература

1. Булыгина, Т. В. О некоторых аналогиях в соотношении семантических и звуковых единиц / Т. В. Булыгина // Вопросы языкознания. – 1967. – № 5. – С. 76–86.
2. Васильев, Л. М. Современная лингвистическая семантика / Л. М. Васильев. – М., 2012.
3. Звегинцев, В. А. Предложение и его отношение к языку и речи / В. А. Звегинцев. – М., 1976.
4. Коршунов, Д. С. Введение в психолингвистическое моделирование чтения для лингвистов / Д. С. Коршунов. – М., 2015.

5. Кущева, О. Ю. Антропоцентрическая парадигма в современной лингвистике / О. Ю. Кущева // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2006. – № 4. – С. 155–156.

6. Поливанов, Е. Д. Введение в языкознание (для востоковедных вузов) / Е. Д. Поливанов. – М., 2002. (первое издание – 1928)

7. Солнцев, В. М. Язык как системно-структурное образование / В. М. Солнцев. – М., 1971.

8. Солнцев, В. М. О понятии уровня языковой системы / В. М. Солнцев // Вопросы языкознания. – 1972. – № 3. – С. 3–19.

9. Сусов, И. П. Языковое общение и лингвистика / И. П. Сусов // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса. – Калинин, 1985. – С. 3–12.

10. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М., 1998.

УДК 82-1/-9

А. Н. Ларионова

*Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Н. В. Володина
Череповецкий государственный университет*

ФОРМЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ АВТОРСКОГО Я В ВОСПОМИНАНИЯХ А. А. ГРИГОРЬЕВА «МОИ ЛИТЕРАТУРНЫЕ И НРАВСТВЕННЫЕ СКИТАЛЬЧЕСТВА»

Литература как вид искусства предполагает создание в тексте произведения художественного образа, который всегда символичен, репрезентативен; он выступает как обобщение, как представитель обширных пластов человеческого опыта, социального, психологического. Образ автора в тексте воспоминаний проявляется в образе автобиографического героя, несущего в себе черты реальной личности, факты биографии писателя, не исключая возможности художественного вымысла. В мемуарном тексте *эго* автора выступает одновременно в разнообразных смыслообразующих и структурообразующих функциях, реализуясь в различных формах *Я-Эго*, которые будут рассмотрены в данной статье.

Мемуары, А. А. Григорьев, авторское *я*, *эго*-концепция, рефлексия, память, интерпретация, художественный образ, автобиографический герой.

Literature as an art involves creation of works of art in the text of the image, which is always symbolic, representative; it functions as a generalization and representative of the vast layer of social, psychological experience. The image of the author in the text is shown as the image memories autobiographical hero, bearing the features of a real person, the facts of the biography of the writer as well as fiction. The ego of the author serves simultaneously in different semantic and structure-forming functions realized in various forms of self-ego, which will be discussed in this article in the text of the memoirs.

Memoirs, A. A. Grigoriev, author's ego, ego concept, reflection, memory, interpretation, artistic image, the autobiographical character.

Введение.

Мемуары как своеобразный «пограничный вид литературы» [3, с. 76] требуют особого подхода при анализе текста. Как отмечает А. Г. Тартаковский, «создание мемуаров может быть понято как целеустремленная деятельность личности по запечатлению опыта своего участия в историческом бытии» [8, с. 5]. Обращаясь к созданию воспоминаний, писатели стремились воспроизвести свою эпоху и определить свое место в ней. В этом желании запечатлеть основные события своего времени и черты исторических персонажей «в осязаемо-зрительном образе их неповторимого бытия» и состоит, по мнению С. В. Савинкова, «метафизическая функция мемуаристики» [7, с. 118]. Л. Я. Гинзбург особое качество «документальной литературы» видит «в той установке на подлинность, ощущение которой не покидает читателя,

но которая далеко не всегда равна фактической точности» [3, с. 10]. Она отмечает также, что «некий фермент «недоверности» заложен в самом существе жанра» [3, с. 10] и появляется он благодаря определенному углу зрения автора мемуаров, под которым он освещает произошедшее, умышленно или неосознанно умалчивая о чем-либо или даже искажая события внешнего мира. Благодаря этому, а также эстетической организации отобранного материала, «умению явления действительности провести через свою фантазию» [3, с. 457], автору удается создать художественный образ в документальном контексте.

Основная часть.

Литературный и театральный критик, поэт, переводчик, мемуарист, А. А. Григорьев, сумел запечат-